

ШКОЛА КУРОСАВЫ

Актера нужно уважать, а не использовать в качестве материала

Независимая газета. — 1998. — 18 сент. — с. 9

Юрий Соломин

МОИ ОТНОШЕНИЯ с Куросавой-сан, которые я рисковал называть дружбой, длились почти 25 лет. Срок немалый: что-то забылось, какие-то события наложились друг на друга, какие-то эпизоды стали напоминать легенду. Но главное, что этот человек сыграл большую роль в моей жизни.

Началось все, когда на «Мосфильме» в 1974 г. запускался фильм «Дерсу Узала». Куросава в главной роли хотел снимать советского актера, среди предложенных претендентов был и я. Следующим этапом был просмотр лучших фильмов с их участием, на мою долю выпал «Адютант его превосходительства». Когда Куросаве сказали, что это фильм пятисерийный, он был не очень доволен и попросил показать ему первую. В тот же день он посмотрел вторую, на следующий — три оставшиеся. Очевидно, в тот момент и была решена моя судьба. Я даже не помню официального утверждения в роли, так же незаметно был утвержден на роль Дерсу Максим Максимович Мунзук.

Месяц до начала съемок мы репетировали на «Мосфильме», репетиции были практически такие же, какие приняты у нас в театре: он рассказывал о своем видении фильма, слушал нас. Ведь получилось, что Мунзук из Тувы, я родом из Забайкалья, мы кое-что могли рассказать о тайге, о нравах людей. Безусловно, из наших рассказов он брал что-то на вооружение, но одновременно и познавал нас как артистов.

Когда мы с ним познакомились, он произвел впечатление жесткого, даже мрачного человека. На самом деле это был добрый, очень уважительно относящийся к другой личности и другой культуре человек. Я в этом в полной мере мог убедиться, мы проработали на Дальнем Востоке восемь месяцев. Жили в одной гостинице, ели в одном ресторане, участвовали в общих застольях по поводу случившихся дней рождения и праздников. Его интересовали другие, он меньше говорил, чем слушал. Он умел слушать, а это большая редкость.

В работе Куросавы были особенности, которые поначалу несколько смущали отдельных членов съемочной группы. Для него очень важным было изображение, к выбору натур он относился тщательно. Но случались дни, когда он сидел, смотрел, думал, съемочный день фактически пропадал. Казалось бы, что смотреть: тайга и тайга, сопка и сопка — снимай себе и все. Особенно нервничал директор картины, который каждый день должен был давать телеграмму в Москву с отчетом о выполнении плана. Но Куросава раздумывал один день, на другой мы спокойно наверстывали упущенное и по-

лучали — потом это стало ясно — именно то изображение, что должно быть по большому счету.

Имя Акиры Куросавы мир узнал в 1951 году, когда его фильм «Расемон» получил «Золотого льва» на Венецианском кинофестивале. Это была первая высшая международная награда, присужденная когда-либо представителю японского кино. Год спустя эта же лента была удостоена «Оскара» в категории «лучший зарубежный фильм». Всего Куросава снял 30 фильмов, среди которых «Сугата Сансиро» (1943), «Идиот» (1952), знаменитые «Семь самураев» (1956), «Тень воина» (1985). Его последняя работа «Мададаио» вышла на экраны в 1993 году.

В 1975 году на «Мосфильме» при участии фирмы «Ателье-41» (Япония) Куросава снял фильм «Дерсу Узала» по сценарию, написанному им вместе с Юрием Нагибиным. Фильм получил шесть премий, в том числе — «Оскар» (1975) «за лучший иностранный фильм». Роль русского путешественника и этнографа Владимира Арсеньева сыграл Юрий Соломин.

Кадр из фильма «Дерсу Узала». Арсеньев — Юрий Соломин, Дерсу Узала — Максим Мунзук. 1974 г. Фото РИА «Новости»

лучали — потом это стало ясно — именно то изображение, что должно быть по большому счету.

Известно, что Куросава любил и хорошо знал русскую литературу. Он экранизировал четыре русских произведения:

«На дне» Горького, «Идиота» Достоевского, «Смерть Ивана Ильича» Толстого и «Дерсу Узала» Арсеньева. Он признался, что хотел ставить «Дерсу Узала» еще до войны, даже начинал работу, но потом отступил, поняв: фильм должен сниматься в

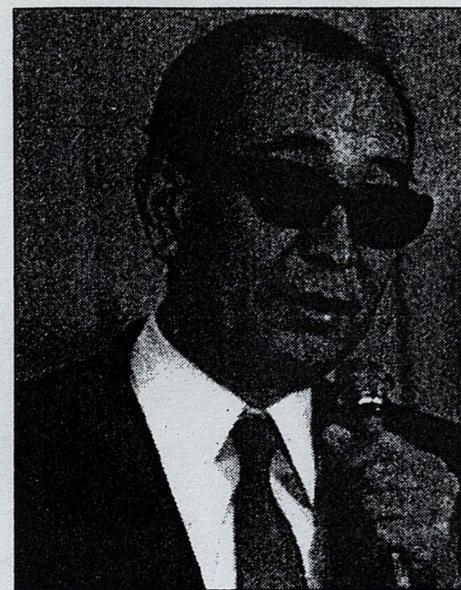
тех краях, где происходило действие, ведь природа у Арсеньева — едва ли не главное действующее лицо. Он, как всякий японец, с трепетом относился к природе.

С Россией у Куросавы связан еще один эпизод. После удачного показа по всему миру «Дерсу Узала» в конце 70-х он задумал экранизацию «Пляски красной смерти» Эдгара По. Написал сценарий, приехал в Москву, стал встречаться с теми, с кем хотел бы работать. Мне он предложил сыграть главную роль, а Исааку Шварцу — написать музыку к фильму, действие новеллы По было перенесено в Россию. Но на «Мосфильме» замысел не был оценен, его просто не поняли. Куросава очень обиделся. Года два назад я обнаружил этот сценарий у себя дома (вполне вероятно, что это единственный русский экземпляр), фильм мог бы получиться весьма интересным. Он должен был быть очень динамичным и музыкальным. Куросава меня спрашивал, как я танцую, как фехтую, говорил, что надо приступить к тренировкам. Я очень сожалею об этой несостоявшейся работе.

Но в то же время, даже рискуя навлечь на себя гнев некоторых, скажу: я ученик Куросавы. И не только потому, что во время съемок мы его называли сэньэй. Я начал заниматься режиссурой с его легкой руки. В одном интервью после выхода «Дерсу Узала» он сказал: «Мне кажется, Соломин-сан мог бы успешно заниматься режиссурой». Мне посыпались предложения даже из-за рубежа, это была полная неожиданность. После некоторых колебаний я поставил в Болгарии свой первый спектакль. Через некоторое время мне предложили поставить фильм на Свердловской киностудии. Я отказался и на это, поскольку у меня за плечами была школа Куросавы, которой я неукоиснительно следовал в работе кинорежиссера.

Дело в том, что Куросава нам подробно рассказывал о технической стороне дела, мы знали, сколько камер в каком эпизоде будет снимать, какой оптикой, по какой траектории они пойдут, под каким углом, где остановятся и т.д. У нас режиссеры не только это не делают, но и не любят, когда актеры такими вопросами интересуются: вы играйте, техника — не ваше дело. К актеру часто относятся, как к глине, из которой режиссер вылепит нужный образ. По поводу моих постановок некоторые пишущие люди говорят: это актерская режиссура. У меня возникает вопрос: а какая должна быть режиссура? Не только опыт Станиславского, Мейерхольда, Вахтангова, но и опыт Куросавы не позволяет мне усомниться в этом методе: актера нужно уважать, а не использовать в качестве материала.

В Японии есть официальное звание «национальное достояние», которое присваивается человеку. У нас указом президента национальным достоянием объявлены ряд культурных объектов (Большой и Ма-

лый театры, Третьяковка, Эрмитаж и прочее), японцы не боятся воздавать такие почести людям. Но Куросава обладал самым высоким званием, которое для него придумало общество, его величали императором японского кино. Точнее не скажешь!

Куросава-сан был настоящим, что называется, стопроцентным японцем. Он не любил уезжать из Японии. Два года назад его с трудом удалось вытащить на получение «Оскара», после «Дерсу Узала» это был второй «Оскар» за творчество в целом, за вклад в киноискусство — приз для единиц. Работал он только в Японии, исключением была наша страна и наш фильм. Попытка работы в Голливуде обернулась очень крупной — почти трагической — неудачей...

Он был большим ценителем японской кухни, именно он открыл для меня все ее прелести. В каждый мой приезд в Токио мы шли в японский ресторан, который он по какой-то причине выбирал. Всякий раз он показывал что-то новое и в этой области, традиционно было и очень вкусно, и очень интересно. Правда, была у него особенность: японской водке саке он предпочитал нашу «Столичную», причем не только в России, но и в Японии. Он говорил, что это самый лучший крепкий напиток.

Куросава в свое время окончил Академию искусств. В течение многих лет к Новому году в Японии появлялся тираж праздничной открытки, автором которой был он. Именно такую открытку с его поздравлениями я получал каждый год, последняя пришла накануне 1998 г. К тому же у меня дома висит картина — подарок Куросавы-сан на мой день рождения в 1974 г. На ней изображена большая голова тигра, обрамленная специфическим японским орнаментом, и подпись по-русски: «Соломин-сан Куросава-сан 1974». Эта вещь мне невероятно дорога.

В мае этого года мне позвонили из Японии и пригласили приехать в январе 1999 г. на праздничный показ «Дерсу Узала» в честь 25-летия его выхода на экраны. Я с радостью принял это приглашение, даст Бог здоровья, поеду обязательно. Вот только не сходим мы с Куросавой-сан в ресторан, и больше никогда я не получу его предновогоднюю открытку...

(Продолжение темы на стр. 10)

25